

11. О лингвоцентрическом и антропоцентрическом подходах к языку (к вопросу о человеческом факторе в языке) // Интерграция отечественной науки в мировую: проблемы, тенденции и перспективы. Сборник научных докладов. – М.: Издательский дом «Научное обозрение». – С. 372-382.

О ЛИНГВОЦЕНТРИЧЕСКОМ И АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОМ ПОДХОДАХ К ЯЗЫКУ (К ВОПРОСУ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ФАКТОРЕ В ЯЗЫКЕ)

В.С. Ли

доктор филологических наук, профессор
Казахский национальный университет им. Аль-Фраби
г. Алматы, Казахстан

В статье рассматриваются методологические вопросы онтологии языка и проявления в нем человеческого фактора. Принцип антропоцентризма, ставший ведущим в современной лингвистике, обусловил формирование парадигматического плюрализма, позволяющего установить основные аспекты дихотомии «язык – человек». Обосновывается важность когнитивного аспекта этой дихотомии, позволяющего определить общность лингвоцентрического и антропоцентрического подходов к языку.

Ключевые слова: принцип антропоцентризма, дихотомия «язык – человек», семантика, языковая картина мира, когнитивный статус слова, лингвистический образ человека.

In this considered article methodological questions of ontology of language and manifestation of a human factor. The principle of anthropocentrism which became leader in modern linguistics caused formation of the paradigmatic pluralism, that allowing to establish the main aspects of a dichotomy "language – the person". Importance of the cognitive aspect of this dichotomy allowing to

define a community of linguocentric and anthropocentric approaches to language locates.

Keywords: the principle of anthropocentrism, a dichotomy "language – the person", semantics, a language picture of the world, the cognitive status of the word, a linguistic image of the person.

Вводные замечания

Как известно, состояние современной лингвистики невозможно охарактеризовать какой-то одной общей схемой. Конец XX – начало XXI вв. в этой отрасли гуманитарного знания можно охарактеризовать, в соответствии с концепцией Т.С. Куна [7], как период экстраординарной науки, когда постепенно накапливающиеся в результате научных поисков аномалии и противоречия приводят к разрушению старой парадигмы и становлению новых стандартов видения мира, новых моделей постановки проблем и их решений. В этом проявляется феномен научной революции, когда не только пересматриваются постулаты "нормальной науки" и формируются новые парадигмы знания и когда перед научным сообществом ставятся новые вопросы о дальнейших путях развития соответствующей отрасли знания (в этом отношении весьма показательным названием книги одного из ведущих лингвистов современности Вяч.Вс. Иванова «Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему» [6] (см. также материалы сборника [12]. К числу таких актуальных вопросов, стоящих перед современной лингвистикой относится и вопрос о человеческом факторе в языке.

Основные подходы к характеристике человеческого фактора в языке

Бесспорно, лингвистика всегда занималась проблемой "язык и человек" или во всяком случае имела ее в виду, лишь на разных этапах истории науки и в разных лингвистических школах (парадигмах) ставя акцент то на первом, то на втором компоненте этого дихотомического единства. Достаточно для этого обратить внимание на часто встречающиеся

графические выделения типа “Человек и язык” или “человек и Язык” На наш взгляд, более правомерным было бы эту проблему вербализовать не с помощью сочинительного соединения понятий “человек” и “язык”, а подчинительного, т.е. “язык человека” со следующими акцентами (графическими выделениями): “Язык человека” и “язык Человека”. Эти два аспекта проблемы отражают разные подходы к языку, которые можно назвать лингвоцентрическим и антропоцентрическим (ср. два типа лингвистического описания у В.М.Алпатова – системоцентрическое и антропоцентрическое) [1, с. 16]. При лингвоцентрическом подходе к языку исследователь ставит целью описание “Языка человека”. Информация, полученная из анализа речевых проявлений, прежде всего информация об их содержательной стороне, помогает понять человека, его лингвистическую природу, которая варьируется в национально специфичных языковых репрезентациях, поскольку организация мира семантики во многом носит идиоэтнический характер. Достаточно полное описание человека невозможно без учета его лингвистической природы, поэтому необходимо различать не только “три разных плана существования самого человека – общий, биологический, во-первых, социальный и более конкретный, во-вторых, и личностный, индивидуальный, самый конкретный, в-третьих” [11, с. 16], но и добавить к этим характеристикам человека план лингвистический, что делает его не просто существом разумным, но и говорящим, *homo loquens*’ом. Исследование лингвистической природы человека является основной задачей антропологической лингвистики. Решение этой задачи поможет воссоздать образ человека и через него и с его помощью “наивную” (языковую) картину мира, описать основные системы, из которых складывается человек (см. [2, с. 348-384]. Безусловно эти системы и составляющие их компоненты взаимодействуют друг с другом. Так, система восприятия физического мира у человека находится в тесных связях с ментальной системой, и эта связь, видимо, строится не столько на основе какого-либо их сходства, сколько на прямых, равноположенных и смежных

отношениях. В лингвистической литературе уже обращалось на это внимание (см., например, сборники “Логический анализ языка”, в частности, [8]). Так, глаголы перцептивной сферы *видеть*, *смотреть*, *рассматривать*, *усматривать* и их производные, характеризующие зрительное восприятие, приобретают в русском (и не только в русском) языке когнитивный статус в таких примерах: *Никогда, никогда мы не уедем в Москву... Я вижу, что не уедем* (А.Чехов); *видеть* – ‘понимать’, ‘чувствовать’, ‘осознавать’. *Мы, взрослые люди, на детское горе смотрим очень легко. Разве может ребенок серьезно страдать?* (Н.Помяловский); *смотреть* – ‘относиться определенным образом к чему-либо’. Поэтому человек может “видеть насквозь” или “видеть” то, что существует лишь в его сознании и в подсознании (ср.: *видение*, *сновидение* и т.п.). Более того, когнитивный статус подобных глаголов позволяет “видеть” абстрактные понятия, действия, признаки: *Случается нередко нам И труд и мудрость видеть там, Где стоит только догадаться За дело просто взяться* (И.Крылов). Сомнение, уверенность, предположение, вероятность и др. подобные ментальные состояния и чувства, относящиеся к миру человека, могут быть описаны через зрительные ассоциации: *Он взял Подгорина под руку и все уводил его вперед, видимо, собираясь поговорить с ним о чем-то* (А.Чехов). *Этот скандал, несмотря на видимую ничтожность, обошелся ему дорого* (А.Чехов). На основе зрительного восприятия может передаваться и мир человеческих эмоций, в частности удивление: *Где это видано! Виданное ли это дело? Глаза бы мои не видели (глядели, видели)! Смотри-ка!* и т.п.

Не менее интересная информация может быть извлечена из анализа слова *глаз*, именующего сам орган зрения. Показательно употребление этого слова в русской паремии: *глаза горят* – ‘сильное желание’, *делать большие (круглые) глаза* – ‘удивляться’, *смотреть другими глазами* – ‘оценить с другой точки зрения’, *стоять в глазах* – ‘мысленно представить’, *закрывать глаза на что-нибудь* – ‘преднамеренно не обращать внимание’ и т.п. Таким образом, система физического восприятия, прежде всего зрительного, в

лингвистическом мире человека тесно связана с его ментальным миром, и поэтому права Н.Д. Арутюнова, которая пишет: “В целом можно предположить, что зрительные образы легче поддаются когнитивной обработке, чем слуховые восприятия. Первые больше связаны с чувственной и рациональной природой человека, вторые ассоциируются скорее с его иррациональным началом. В этом смысле интуиция ближе к слуху, чем зрение. Для индоевропейских языков, по-видимому, характерно выдвижение на первый план глагола зрительного восприятия” [3, с. 113]. В подтверждение этого положения можно привести русский глагол *выглядеть* в значении ‘казаться’, ‘представляться’ (например, *Эта гипотеза выглядит более убедительной*), который, как известно, является калькой с немецкого *aussehen*. Однако возможны и другие “языковые картины”, когда большим когнитивным статусом обладают другие, чем зрительные, системы физического восприятия, в частности слуховые: “... в грузинском языке, - пишет Н.Д.Арутюнова, - когнитивные значения ассоциируются преимущественно со слуховым восприятием. Имена *goneba* ‘разум’ и *goni* ‘разум, дух (в философском смысле)’ связаны с глаголом *ga-goneba* ‘слышать’. С именем *stena* ‘слух’ связаны значения понимания и знания: *te-smi-s* ‘слышу/понимаю, знаю’. Даже *quireba* ‘смотреть (в древнегрузинском он означал ‘слышать’ произведен от *quri* ‘ухо’” [3, с. 114].

В создании лингвистического образа (портрета) человека, его внутреннего мира могут участвовать также языковые феномены, денотативно связанные с физическим миром и характеризующие, в частности, природные свойства тех или иных материальных объектов действительности или описывающие определенные процессы, свойственные им. Так, в русском языке глаголы *гореть*, *остыть* и прилагательные *горячий*, *холодный* в когнитивной функции описывают мир чувств и эмоций человека. Поэтому человек может “гореть ненавистью”, “гореть на работе”, у кого-то может “душа гореть” и т.п. Ср. также: *Инсаров давно кончил все свои сборы и горел желанием поскорее вырваться из Москвы* (И.Тургенев). *Его*

некрасивое лицо, оживленное быстрой ездой, горело смелой удалью и твердой решимостью (И.Тургенев). И с другой стороны: *Волнение злобы во мне было столь сильно, что я не надеялся на верность руки и, чтобы дать себе время остыть, уступил ему первый выстрел* (А.Пушкин).

Довольно широкий спектр внутреннего мира человека описывается с помощью прилагательных типа *горячий* и *холодный*: *горячая (холодная) голова, горячий поклонник, горячее желание, горячее (холодное) сердце, горячая (холодная) кровь, горячее стремление, горячая любовь, горячий привет, принять горячее участие в чем-либо, холодный взгляд* и др. Ср. также: *Рассказывали, что отец в молодости был очень горяч и в гневе ничего не помнил* (А.Панаева). *Это был злобный, холодный и насмешливый человек* (Ф.Достоевский).

Таким образом, при лингвоцентрическом подходе к языку человека мы можем извлечь из языковых (точнее – речевых) образований весьма интересные и очень полезные сведения о лингвистическом мире человека, описать образ и создать языковой портрет человека.

Проблема “язык человека” может быть рассмотрена и в ином плане, когда смысловой акцент ставится на понятии “Человек”. Сущность этого подхода в своеобразной, метафорической форме выразила Т.М.Николаева, когда она, разбирая случаи непрямого, оценочного воздействия на адресата (в высказывании ассертивная часть прячется под пресуппозитивную), пишет следующее: “Счастливая особенность лингвистики – в объекте, язык умеет манипулировать, он умеет гримировать свои функции, умеет выдать одно за другое, умеет внушать, воздействовать, лжесвидетельствовать. Таким образом лингвистам необходимо пройти три этапа: “Как это устроено?” + “Как это функционирует?” + “Как можно всем этим манипулировать?” [9, с. 154].

Манипулирование языком связано с речемыслительной деятельностью человека, с его способностью, опираясь на знания о мире, знание словаря и грамматики языка, разрабатывать языковые сценарии,

расписывать и задавать роли для участников “языковой игры”. При таком подходе в центре внимания лингвиста оказывается язык Человека, языковая компетенция субъекта, т.е. использование языка, его функционирование в речи, что в конечном итоге способствует верификации языка-речи как онтологически цельного, единого феномена. Такой взгляд на язык (антропоцентрический) заставляет обратить особое внимание на факты, которые по традиции выносились за рамки языковой системы и интерпретировались как явления маргинального характера (порой они вообще не замечались). По существу маргинальными и несущественными они были в поле зрения исследователя, в его сознании, а не в самом языке, которым пользуется человек. Методологически это мотивировалось поисками общей системы, желанием быть более объективным в своих наблюдениях и выводах, стремлением разработать казавшиеся точными методы исследования с целью приблизиться к сущности рассматриваемого объекта. Так понимаемая объективность, осознанное неприятие субъективного (= человеческого) фактора обернулись обратной стороной. Лингвистика стала квазиестественной, псевдоточной наукой. И прав, видимо, был А.А.Потебня (многие его идеи вновь оказались актуальными для современного языкознания), когда в споре с Н.П.Некрасовым о значении грамматических форм писал: “Такое отвлеченное, а равно и вышеупомянутое общее значение корней и вообще “общее значение слов”, как формальное, так и вещественное, есть только создание личной мысли и действительно существовать в языке не может. Языкознание не нуждается в этих “общих” значениях... Общее в языкознании важно и объективно только как результат сравнения не отдельных значений, а рядов значений, причем этим общим бывают не сами значения, а их отношения. В этих случаях языкознание доводит до сознания те аналогии, которым следует бессознательно творчество языка” [10, с. 43].

“Творчество языка”, как и любое другое творчество, всегда субъективно и скрытно в том смысле, что сам этот акт индивидуален, и в

продукте творческой деятельности он всегда проявляется неявно, т.е. имплицитно. Имплицитность в языке есть не что иное, как следствие функционирования языка-речи, как результат использования языка человеком, результат манипуляций самого языка и манипулирования им, совершаемого homo loquens'ом. Подобное проявление “человеческого фактора в языке” можно заметить на всех его уровнях и во всех типах его речевых реализаций. В качестве иллюстративного материала можно рассмотреть случаи употребления в речи форм повелительного наклонения. Так, например, при описании некоторых ситуаций и событий в отрицательных конструкциях русского языка возможны лишь глаголы несовершенного вида, т.е.: *Не плюй в колодец*, но не **Не плюнь в колодец*; *Не решай задачу*, но не **Не реши задачу*; *Не отвечай на его вопросы*; но не **Не ответь на его вопросы*; *Не одевайтесь слишком тепло*; но не **Не оденьтесь слишком тепло* и т.п. Как тонко подметила Т.В.Булыгина, “в форме совершенного вида не могут выступать глаголы, обозначающие действие, зависящее от воли субъекта” [4, с. 341]. В качестве примеров приводятся такие случаи правильного и аномального употребления: *Смотрите носов не отморозьте* при сомнительном *?Не отмораживайте носов*; *Не поскользнься*; *Не стукнись*; но невозможно **Не защити диссертацию*; **Не плюнь в колодец*; **Не помой посуду*; **Не подари ей эту книгу*; **Не пойдя за хлебом*. Действительно, значение ‘зависит/не зависит от воли субъекта’ следует признать в данном случае одним из дифференциальных признаков видового противопоставления русского глагола. Ср.: *Не падай* (‘зависит от воли субъекта, ситуация может контролироваться им’) – *Не упади* (‘ситуация не контролируется субъектом, но зависит от случая и каких-то непредсказуемых обстоятельств’). Совершенный вид, как можно заметить, обозначает действие, не контролируемое субъектом, не подвластное ему, что особенно ярко выступает в таких примерах: *Не властны мы в помещениях своих*. *Не смей согнать ленивца!* *Рад не рад, Корми его, не смей переманить Работника!* (А.Пушкин).

В связи с таким характером видового противопоставления под влиянием воли говорящего субъекта примеры, приводимые Т.В.Булыгиной, нельзя признать абсолютно корректными. Впрочем, это замечание можно отнести и к другим работам по грамматической семантике, в которых иллюстративная часть не всегда обоснованно обозначается звездочкой (*), указывающей на аномальность, неправильность соответствующей фразы или запрет, накладываемый языковой системой. Однако “манипуляция” языка и “манипулирование” языком позволяют обойти эти запреты. В этом сказывается проявление человеческого фактора в языке, воля говорящего субъекта, способного преодолевать запреты и ограничения. В конкретном случае с приведенными примерами снять ограничения позволяет введение в контекст показателя случайности, непредсказуемости, ошибочности, непреднамеренности, например: **Не плюнь в колодец – Не плюнь сослепу в колодец. *Не помой посуду – Не помой по ошибке чужую посуду. *Не подари ей эту книгу – Не подари ей случайно эту книгу.*

В этом проявляется также одно из ключевых свойств языка Человека – примат содержания над формой, способность преодолевать сопротивление со стороны формы языка. В конкуренции между семантикой и формой побеждает первая, в чем можно еще раз убедиться при внимательном анализе приведенных примеров: *Не дари ей эту книгу* – несовершенный вид – действие контролируется субъектом; форма глагола конгруэнтна семантике. **Не подари ей эту книгу* – совершенный вид – запрет на форму наложен семантикой ‘действие, не контролируемое субъектом’. *Не подари случайно ей эту книгу*; неконгруэнтность между формой и семантикой преодолена в пользу семантики (словом *случайно*, с помощью которого актуализируется значение неконтролируемости ситуации. Приоритет семантики над грамматической формой А.А.Потебня выразил следующим образом: “Есть языки, в коих подведение под общие схемы, каковы предмет и его пространственные отношения, действие, время, лицо и пр., требует каждый раз нового усилия мысли. То, что мы представляем формою, в них является

лишь содержанием, так что грамматической формы они вовсе не имеют” [10, с. 3]. Действительно, преодоление формы “требует каждый раз нового усилия мысли”, и эта работа мысли связана не с соблюдением формальных грамматических правил (это, по словам А.А.Потебни, “не обходится нам... почти ни во что” [10, с.37], а с подведением “содержания под общие схемы”. Эти мысли А.А.Потебни созвучны с современными представлениями о сущности грамматики. В подтверждение этого приведем высказывание А.Вежбицкой: “... грамматика кодирует значения. Она представляет собой не систему правил для порождения грамматически верных предложений, но систему правил для порождения и интерпретации осмысленных высказываний. Главная проблема говорящего заключается не в том, чтобы породить грамматически правильные предложения, а в том, чтобы сказать то, что он хочет сказать, и понять то, что говорят другие” [5, с.30-31]. При таком подходе к грамматике и ее категориям, в частности к морфологическим, грамматические формы и грамматические значения – это не просто строевые элементы языка, а маркеры, с помощью которых при создании осмысленных, семантически референтных (отмеченных) высказываний высвечиваются воля и намерения говорящего субъекта (то, что принято называть иллокутивными силами). В роли маркеров могут выступать также единицы, которые по традиции не подводятся под категории грамматики, но говорящий их использует наравне с последними.

Заключение

Антропоцентрический подход к языку, ориентированный на мир семантики и ментальной деятельности человека, заставляет пересмотреть многие сложившиеся теории, обратить внимание на факты, не замеченные “глазами” прежних концепций, приблизиться к сущности языка и его человеческой природе, поэтому следует признать, что антропоцентризм как ведущий общенаучный принцип открывает новые перспективы перед лингвистикой.

Литература

1. Алпатов В.М. Предварительные итоги лингвистики XX века // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: Тезисы международной конференции. Т. I. – М.: МГУ, 1995. – С. 16-19.
2. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том II. – М.: Языки русской культуры, 1995.- С. 348-384.
3. Арутюнова Н.Д. “Полагать” и “видеть” (к проблеме смешанных пропозициональных установок) // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – М.: Наука, 1989.- С. 107-119.
4. Булыгина Т.В. О границах и содержании прагматики // Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 325-350.
5. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. - 416 с.
6. Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 208 с.
7. Кун Т.С. Структура научных революций. - М.: «АСТ», 2009. — 310 с.
8. Логический анализ языка. Адресация дискурса / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Издательство «Индрик», 2012. – 512 с.
9. Николаева Т.М. Лингвистическая демагогия // Прагматика и проблемы интенциональности. – М.: Наука, 1988. – С. 152-177.
10. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Том I-II. – М.: Просвещение, 1958. – 536 с.
11. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991. - 412 с.
12. Modern Linguistic systems as Instruments of the Reality Transformation: Peer-reviewed materials digest (collective monograph) published

following the results of the LXXVI International Research and Practice Conference and II stage of the Championship in Philological sciences. - London: Published by IASHE, 2014. – 151 p.

О ЛИНГВОЦЕНТРИЧЕСКОМ И АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОМ ПОДХОДАХ К ЯЗЫКУ (К ВОПРОСУ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ФАКТОРЕ В ЯЗЫКЕ)

В статье рассматриваются методологические вопросы онтологии языка и проявления в нем человеческого фактора. Принцип антропоцентризма, ставший ведущим в современной лингвистике, обусловил формирование парадигматического плюрализма, позволяющего установить основные аспекты дихотомии «язык – человек». Обосновывается важность когнитивного аспекта этой дихотомии, позволяющего определить общность лингвоцентрического и антропоцентрического подходов к языку.

При лингвоцентрическом подходе к языку человека можно извлечь из языковых образований весьма интересные и очень полезные сведения о лингвистическом мире человека, описать образ и создать языковой портрет человека.

Проблема “язык человека” может быть рассмотрена и в ином плане, когда смысловой акцент ставится на понятии “Человек”. Сущность этого подхода в своеобразной, метафорической форме можно выразить в такой формуле: “Как это устроено?” + “Как это функционирует?” + “Как можно всем этим манипулировать?”.

Манипулирование языком связано с речемыслительной деятельностью человека, с его способностью, опираясь на знания о мире, знание словаря и грамматики языка, разрабатывать языковые сценарии, расписывать и задавать роли для участников “языковой игры”. При таком подходе в центре внимания лингвиста оказывается язык Человека, языковая компетенция субъекта, т.е. использование языка, его функционирование в речи, что в конечном итоге способствует верификации языка-речи как онтологически цельного, единого феномена. Такой взгляд на язык (антропоцентрический) заставляет обратить особое внимание на факты, которые по традиции выносились за рамки языковой системы и интерпретировались как явления маргинального характера (порой они вообще не замечались). По существу маргинальными и несущественными они были в поле зрения исследователя, в его сознании, а не в самом языке, которым пользуется человек.

ABOUT LINGUOCENTRICAL AND ANTHROPOCENTRIC APPROACHES TO LANGUAGE (TO THE QUESTION OF THE HUMAN FACTOR IN LANGUAGE)

In this considered article methodological questions of ontology of language and manifestation of a human factor. The principle of anthropocentrism which became leader in modern linguistics caused formation of the paradigmatic pluralism, that allowing to establish the main aspects of a dichotomy "language – the person". Importance of the cognitive aspect of this dichotomy allowing to define a community of linguocentric and anthropocentric approaches to language locates.

At lingvotsentrichesky approach to language of the person it is possible to take very interesting and very useful data on the linguistic world of the person from language educations, to describe an image and to create a language portrait of the person.

The problem "language of the person" can be considered and in other plan when the semantic accent is put on the concept "Person". The essence of this approach in a peculiar, metaphorical form can be expressed in such formula: "How it is arranged?" + "As it functions?" + "As it is possible to manipulate all this?".

The manipulation is connected by language with rechemyslitelny activity of the person, with his ability, relying on knowledge of the world, knowledge of the dictionary and grammar of language, to develop language scenarios, to paint and set roles for participants of "language game". At such approach language of the Person, language competence of the subject, i.e. use of language, its functioning in the speech comes under the spotlight of the linguist that finally promotes verification of language speech as ontologically integral, uniform phenomenon. Such view of language (anthropocentric) forces to pay special attention to the facts which by tradition were taken out for a framework of language system and were interpreted as the phenomenon of marginal character (sometimes they weren't noticed at all). In essence marginal and insignificant they were in sight of the researcher, in his consciousness, but not in the language which the person uses.